

УДК 930571.54)=512.31

DOI: 10.18324/2224-1833-2021-3-125-130

Дневники Хангалова М.Н. – ценный исторический источник по изучению истории прибайкальских бурят начала XX в.

Е.Н. Палхаева^{1а}, Т.В. Паликова^{1б}, К.Б.-М. Митупов^{1с}, Б.Б. Ангархаев^{2д}

¹Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова, Смолина, 24а, Улан-Удэ, Республика Бурятия, Россия

²Музей истории Бурятии им. М.Н. Хангалова, Республика Бурятия, Россия

^а palelizaveta@yandex.ru, ^б Tatianap25@yandex.ru, ^с mitupov@inbox.ru, ^дbydachka95@mail.ru

Статья поступила 16.09.2021, принята 20.09.2021

Статья посвящена описанию предварительных результатов изучения дневникового наследия выдающегося бурятского этнографа Матвея Николаевича Хангалова. Авторами проведена работа по оцифровке, расшифровке и интерпретации дневников М.Н. Хангалова. В ходе работы над источником была подтверждена его авторская принадлежность, установлена хронология создания дневников, начата систематизация и детализация периодизации коллекции дневников. Основное содержание дневниковых записей можно разделить на следующие смысловые сюжеты: этнографические наблюдения и рисунки, небольшие статьи, школьная повседневность педагогов Бильчирского училища, где с 1902 г. преподавал и сам М.Н. Хангалов, конфессиональные, общественные и бытовые аспекты народной жизни и сюжеты о своей семье. В заключении авторы делают вывод о том, дневники обладают исследовательскими данными, которые позволяют реконструировать не только этническое, религиозное, экономическое и культурное бытование прибайкальских бурят начала XX в., но и позволяют выявить нравственные, профессиональные, человеческие установки их автора.

Ключевые слова: исторические источники, дневники М.Н. Хангалова, коллекция дневников, буряты, этнография Бурятии.

The diaries of M.N. Khangalov as a valuable historical source for studying the history of the Baikal Buryats of the early XX century

E.N. Palkhaeva^a, T.V. Palikova^b, K.B.-M. Mitupov^c, B.B. Angarkhaev^d

¹Buryat State University named after D. Banzarov; 24a, Smolin St., Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia

²Museum of Buryat History named after M.N. Khangalov, Republic of Buryatia, Russia

^a palelizaveta@yandex.ru, ^b Tatianap25@yandex.ru, ^c mitupov@inbox.ru, ^dbydachka95@mail.ru

Received 16.09.2021, accepted 20.09.2021

The article is devoted to the description of the preliminary results of studying the diaries of Buryat ethnographer Matvey Nikolayevich Khangalov. The diaries of M.N. Khangalov are digitized, decrypted and interpreted. During the work on the source, its author's affiliation was confirmed, the chronology of the creation of the diaries was established, the systematization and detailing of the periodization of the diary collection started. The main contents of diary entries can be divided into the following semantic subjects: ethnographic observations and drawings, small articles, school daily activities of teachers of the Bilchir school, where from 1902 M.N. Khangalov worked as a teacher, religious, social and domestic aspects of people's life and stories about the family. It is concluded that the diaries possess research data that makes it possible to reconstruct not only the ethnic, religious, economic and cultural existence of the Baikal Buryats of the early XX century, but also allows identifying the moral, professional, human attitudes of their author.

Keywords: historical sources, diaries of M.N. Khangalov, collection of diaries, Buryats, ethnography of Buryatia.

Жизнь и деятельность М.Н. Хангалова привлекает к себе внимание уже не одно поколение филологов, этнографов и историков [1]. Это неслучайно. Он один из немногих

бурят с университетским образованием, посвятивших свою жизнь служению бурятскому народу на просветительском и исследовательском поприще, которое по заслугам было оценено еще современниками, а последующие поколения ученых отдали дань уважения подвижнической деятельности исследователя по сбору и описанию этнографических коллекций, традиций, обрядов и обычаев бурят опубликовав его научные труды в трехтомном издании 1958 г. и переиздав в 2004 г. [2]

Его огромное рукописное наследие сосредоточено по разным научным центрам страны: ЦВРК ИМБиТ СО РАН, Российский государственный этнографический музей (Санкт-Петербург), архив Института востоковедения РАН, Государственный архив Иркутской области (ГАИО), Областной краеведческий музей (Иркутск). В Музее истории Бурятии, носящем его имя (Улан-Удэ), хранятся дневники Матвея Николаевича за 1902-1915 гг., которые, несмотря на фрагментарные вводы в научный оборот их текстов, все еще всесторонне не исследованы. Поэтому нельзя не согласиться с мнением С.Г. Жамбаловой, высказанном в предисловии к 1 тому сочинений ученого, о том, что «осмысление богатейшего наследия выдающегося представителя бурятского народа до настоящего времени остается актуальной задачей» [3, с. 13]. Эту задачу и взяли на себя авторы, обратившись к дневникам М.Н. Хангалова, которые, как можно предположить, лежат в основе его рукописных и опубликованных статей, и с этой точки зрения, их изучение существенно, поскольку позволяет реконструировать процесс работы ученого от первоначальных записей до оформления научной публикации. В то же время дневниковые записи гораздо шире, чем статьи, которые не могут и не должны включать «сопутствующий» материал. Если публикации – это четкий/чистый текст описания самого ритуала или обряда, то записи в дневнике демонстрируют его реальное проведение, «засоренное» повседневными проявлениями, иногда с пикантными подробностями, вызывающими в том числе и резкое осуждение создателя записей.

Авторами статьи проведены расшифровка и анализ дневников М.Н. Хангалова [4]. В ходе работы над источником была подтвержде-

на его авторская принадлежность, установлена хронология создания дневников, начата систематизация и детализация периодизации коллекции дневников. В процессе публикации научных статей начат ввод в научный оборот тематического комплекса исторических документов [5], а также проведена оцифровка дневников М.Н. Хангалова за 1910-1911 гг. с целью сохранения и дальнейшей популяризации наследия ученого.

Все дневники представляют собой книжки блокнотного характера в коленкоровой обложке коричневого цвета совокупным объемом в 657 листов, исписанных черными чернилами старорусским и бурятским языками. Интересен титульный лист дневников, где автор вместо привычного сегодня написания фамилии, называет себя как М.Н. Хан-Галов. В дневниках нет объяснения этой самоидентификации, но, возможно, ответом может стать его рассуждение в разговоре со студентом-экскурсантом Иринчиновым об этимологии слова «бурхан», состоящем из двух слов и традиционным для монголо-бурятского языка [6, л. 36].

Изучение дневниковых записей позволяет обнаружить их основные сюжеты: этнографические наблюдения и рисунки, прежде всего шаманские обряды Иркутских прибайкальских бурят, что является важным средством сохранения религиозного наследия и передачи его последующим поколениям, небольшие статьи, школьная повседневность учителей Бильчирского училища, где с 1902 г. преподавал и сам М.Н. Хангалов, конфессиональные, общественные и бытовые аспекты народной жизни и сюжеты о своей семье. С этой точки зрения наиболее интересен для изучения дневник №12, охвативший период с июня 1910 г. по декабрь 1911 г., который вмещает в себя все выделенные темы [6].

В каждом из указанных направлений М.Н. Хангалов выступает как профессионал – этнограф, историк, организатор учебной деятельности, для которого каждая из этих сфер становится сферой повседневности, а потому его ежедневник демонстрирует именно эту рутинность действий. Дневниковые записи одинаковы по структуре: начинаются с указания числа и завершаются фразой: «Этим (вариант: Так) кончился день». Безусловно, встречаются иные варианты окончания дня,

но это предложение доминирует. Каждая мысль внутри текста отделена от другой точкой и тире (. -). Записи разделяются тремя окторпами (#). Усиливается значение рутинности в сюжетах о школе, где каждый день начинается с описания погоды, явки или неявки школьников и учителей.

Помимо этнографических наблюдений Хангалов очень бережно и ответственно собирал коллекцию обрядовых артефактов, что указывал неоднократно в дневниках. Так, в Бильчирском улусе были куплены «онгоны», «хозяин зурака на длинной палочке» за 1 р. 50 к. [5, л. 10], «старинные посвященные стрелы» «с лентами, мешечками с хлебными зернами, монетами и пуговицами» за 50 коп.» [5, л. 13], «белую меткалеву рубашку и шапку»¹ [5, л. 113]. Необходимо отметить, что коллекцию артефактов М.Н. Хангалов приобретал на собственные деньги, что доставляло ему особое удовольствие и удовлетворение от сделанного. Учитывая, что учителя народных школ получали достаточно скудное жалование, можно предположить, что пополнение коллекции стоило немалых средств, которые могли быть потрачены на нужды семьи.

Собранные артефакты в дальнейшем дополнили коллекции различных музеев и научных центров («Я от вез в музей [ВСОИР-ГО – Авт.], все привезенные шаманские коллекции разных онгонов, ... зураков, шаманских тростей, зулу и много прочих» [5, л. 141]).

Дневник не только вербально, но и визуально эмоционален. Вербально – описания обрядов монотонны, что достигается частым повторением одних и тех же слов, словосочетаний и предложений, включением в текст песнопений, призываний и прочих обрядовых действий на бурятском языке, правда, врывающаяся действительность немного прерывает действие его размышлениями, но это не нарушает общего ритма описания. Например, при описании обряда посвящения в шаманы, Матвей Николаевич со свойственной ему сдержанной иронией описывает несерьезное отношение молодого поколения к этому действу, да и само действие местами напоминает некую карикатуру.

Обряд посвящения предполагал участие в нем пяти человек – посвящаемого, старшего

шамана, выступавшего в роли отца, и избранных «трех сыновей». Из четырех вопросов, обращенных к «сыновьям», на два были даны положительные ответы – они соглашались «шаманить» и «нести знамя чисто», на остальные – о питье тарасуна и о возможных драке и ругани – негативные [5, л. 75]. Сам обряд собрал довольно большое число участников и наблюдателей/зрителей разных возрастов, при этом Хангалова «удивило и немного поразило, что все буряты относились с большим уважением и сосредоточенным вниманием к верованиям, у них еще вера в шаманство крепка, а только молодежи стояли петухами на стороне и разговаривали не принужденно. -» [5, л. 83]. То есть в начале XX века старшее поколение все еще сохраняло веру предков, а молодежь уже скептически относилась к ритуалам и принимала участие в них только номинально и, скорее всего, это было вынужденным шагом, демонстрирующим лишь уважение к «старикам». По этой же причине, возможно, «сыновья», вновь посвящаемого шамана отнеслись несерьезно к проведению обряда. Нужно обратить внимание на обстоятельство, вызвавшее осуждение Хангалова, – ритуальное/религиозное пьянство как лейтмотив в этнографических зарисовках. Вернемся к обряду. Несмотря на обещание не пить «тарасун», «сыновьям» не удалось избежать опьянения, что привело к печальным результатам, которые с точки зрения шаманов и стариков могли привести к неотвратимым последствиям. Это демонстрирует описание следующего дня обряда, когда Матвей Николаевич пришел к шаману и услышал рассказ о «неприятном приключении», произошедшем с его «сыновьями», которые потеряли «туги» – ритуальные знамена, несмотря на обещание нести знамена «чисто». Опасность сложившейся истории заключалась в том, что с точки зрения шаманистов, это квалифицировалось как грех, а за «грех Заяны могут разгневаться на них и присудить их к болезни и смерти».

Интересна лояльная реакция стариков-участников ритуала на сложившуюся ситуацию: сначала они, как и шаманы «были [в]стревожены и печальны; они говорили, что это большой грех недобро», потом «удивлялись и серьезно толковали, куда они [сыновья – Авт.] могли уехать в пьяном виде», затем, видя, что шаманы

¹ Здесь и далее сохранены стиль, орфография и пунктуация оригинала.

серьезно обеспокоены *«утешали их, что Заяны милостивы и простят грехи двух сыновей»*. Терпимость старших к молодому поколению проявляется одновременно в запугивании гневом «местных богов» и утешением милостью «Заянов». Однако, несмотря на это посвящаемый шаман Эмэ, как сообщает М.Н. Хангалов, *«был сильно печален, по временам раздражителен, что на стариков производило не приятное [в]печатление, они были не [в] особенно хорошем расположении духа, постоянно спорили и ссорились. -»*. В конечном итоге, на Хангалова-наблюдателя/исследователя *«все это производило не приятное и удручающее впечатление»* - важное для рода мероприятие – посвящение шамана – могло превратиться в банальную ссору [5, л. 58-87].

Подобного рода запись в блокноте №12 встретилась всего одна, но именно она иллюстрирует как житейская ситуация врывается в обрядовую в буквальном смысле низвергая сакральный смысл обряда. Возможно, это может послужить одним из объяснений скептицизма молодежи к ритуальной обрядовости.

Хотя в целом дневник изобилует серьезными, вдумчивыми, а главное тщательными записями ритуалов прибайкальских бурят, сопровождаемых иногда рисунками святылец и различных религиозных предметов.

Описание школьной повседневности, помимо ритма, передающего рутинность, включает слова неодобрения, непонимания (об учителях), доходящие порой до сарказма, жалости или восхищения (о детях), серьезно-го анализа деятельности: *«Учитель Зареченсков не пришел; у него было 18 учащихся, которые посидели и посидели ушли; бедные дети! Учитель Хазагаев сделал только один урок и уехал купить телегу. С такими педагогами бурятское народное образование пойдет не особенно успешно. -»* [5, л. 165]; *«Хазагаев не добросовестно ведет себя, как учитель... приехал злой и сердитый, должно быть проигрался в карты»* [5, л. 176]; *«Поп Никанор [законоучитель – Авт.] на уроках не был, он уехал в Улейское ведомство, в котором пятый день пьянствует... Сегодня [в школу] приехал отец Никанор, не знаю как он догадался приехать. - не могу объяснить»* [5, л. 195, 203].

Важным для Хангалова – народного учителя был вопрос об увеличении числа детей, посещавших школу, ведь речь идет о будущем народа и его осознанном отношении к

школе. Анализируя ситуацию 1910-1911 уч.г., сравнивая ее с предшествующими годами, он выражает нескрываемую гордость за свой народ, для которого посещение школы становится праздником и, можно утверждать, испытывает чувство удовлетворения от работы, ведь эта изменившаяся ситуация во многом predetermined и его постоянными заботами о материальном благосостоянии и техническом обеспечении школы, беседами с учителями для усовершенствования их профессиональных навыков. *«Эти дни [20-26 сентября] быстро и не заметно пронеслись, число учащихся с каждым днем увеличивается и дошли [до] 63 человек; ... отрадно видеть, что дети не бегают от училища, а на против сами бегут в училище и стучаться в дверь культуры и света; главное, что буряты начинают сознавать пользу учения и стараются детей обоего пола [от]дать в училище, отправляя в которое детей, которых одевают чисто и опрятно, как [на] праздник против прежнего. Это великий шаг вперед; отрадно и весело заниматься, что показывает самосознание и быструю перемену в жизни...»* [5, л. 150-151].

Стремясь создать образцовое училище «трех долин» Бильчирской, Обусинской и Улейской, М.Н. Хангалов ни на минуту не забывает об этом своем детище. Так, 15-19 июля он собирал насекомых для училищной коллекции, которая «плохо двигается вперед», потому что он не нашел редких и не собранных экземпляров [5, л. 125]. 25 июля досаждает, что торги училищного ремонта отложили до 31 июля и задается вопросом: сможет ли подрядчик отремонтировать помещение училища в срок [5, л. 130], 30 июля он ходил в управу, чтобы поторопить ее членов получить картины для волшебного фонаря (диапроектора) [5, л. 133]. С одной стороны, понятна обеспокоенность руководителя за быстрый и успешный ремонт казенного здания, с другой – характеризует М.Н. Хангалова как ответственного и неравнодушного человека.

Описание общественных дел автор дневников дает с профессиональным пониманием, но и здесь можно обратить внимание на мелькающую местами ироничность. Так, 27 июня он делает запись, о том, что буряты начинают думать о выборе головы управы, но к каждому из кандидатов они имеют претен-

зии (Хадагаев, Амахаев, Танхаев), что свидетельствует о понимании ими сознательного и справедливого выбора должностных лиц. «Пора, пора, - записывает М.Н. Хангалов, - на них обратить строгое внимание, чтобы они не эксплуатировали народ и относились бы [к] своим обязанностям добросовестно... После обеда я уехал в управу, ... в нашу милую и грязную управу -» [5, л. 64, 191].

Бытовые аспекты в дневниках описаны порой эмоционально, порой используются слухи и домыслы («но пошли слухи», «по местным слухам и сплетням» «Теперь разговоров много есть и о чем поговорить» [5, л. 62-64]), лишь изредка демонстрируется негодование, высказывается собственное мнение. Так, например, описывая по слухам смерть жены писмоводителя Веретенникова, которую он в пьяном виде сжег, вытащив на улицу и облив керосином из-за вдовой пощады, ставшей впоследствии его женой, М.Н. Хангалов возмущен решением «русского суда» об оправдании виновного и даже благодарности за сохранение общественного имущества - ведомственной квартиры, где он проживал. И резюмировал этот сюжет меткими словами односельчан, «что [к] нашему берегу пристаюют все не желательное!» [5, л. 62-64].

При отображении хозяйственной жизни бурят автор дневника высказывает возмущение, обеспокоенность и одновременно боль и грусть за будущее своего народа из-за распространившегося алкоголизма, игры в карты. В 1910 г. ситуацию усугубила засуха, повлекшая за собой неурожай, что отмечено в записях за июнь-июль, когда Матвей Николаевич пытаясь приобрести покос у бурята-должника, выяснив, что он давно пропит [5, л. 115]. 10 июля он констатирует незавидное положение бурят, которые еще только приступили к распахке, когда уже пришло время сенокоса, а «другие сенокосные паи продали русским и пьянствуют. - Тяжело смотреть на них. -» [5, л. 120]. К этой мысли он возвращается еще раз 26 июля, когда записывает в дневник о жалобах бурят на некачественные травы, в то время как сами они давно продали покосы русским, а деньги пропили, «что-то плохое творится с этими бурятами, которые только пьют и играют в карты и думают, что в этом заключается жизнь, а о работе и времени совсем мало думают». Результатом повсеместно сложившейся ситуации стало низкое общеэко-

номическое состояние бурят, хозяйство которых не приносило желательного дохода. М.Н. Хангалов не только осуждает и сочувствует своему народу, но предлагает судьбоносное решение. Единственный выход из создавшейся ситуации Хангалов видит в том, что бурятам необходима общая культура, ликвидация старого неэффективного порядка ведения хозяйства, внедрение новой агрикультуры, главное же условие - прекращение и бытового, и религиозного пьянства [5, л. 130-131].

Будучи православным, испытывая необходимость в молитве, Матвей Николаевич особое внимание в дневнике уделяет изменившемуся взгляду прибайкальских бурят на православных миссионеров, непростою отношению к церкви, пытается найти его причины. Посещая церковную службу, он увидел незначительное число молящихся прихожан, при этом из бурят он был единственным. Размышляя над этой ситуацией, он приходит к выводу о том, что священники и миссионеры, будучи невежественными, позволяют себе оскорбление духовных традиций бурят, попирая их религиозные чувства, «буряты это хорошо подметили и оскорблены до глубины души», что разделяют и буряты-учителя, не желая вести своих учеников в церковь: «не каждый учитель бурят, любящий своих учеников и учениц, решится вести их на оскорбление и насмешки» (20 июля) [5, л. 126-127].

Собственный быт, быт своей семьи присутствует в дневнике локально, автор лишь слегка приподнимает завесу, демонстрируя читателю, что это, прежде всего приватная жизнь, не предназначенная для чужих глаз. Язык записей сухой до чрезвычайности и лишь к дочери Хангалов не может скрыть своего нежного отношения, называя Сонечкой.

Визуально текст дневника позволяет выявить эмоциональное состояние автора на момент его написания - в описании обрядов видна торопливость, деформация букв к концу строки, их увеличивающийся размер, что отражает стремление как можно быстрее зафиксировать только что увиденное, не упустить ни одну деталь; включенные научные статьи написаны ровным, четким почерком без единой помарки, ощущается внутреннее спокойствие и уже сформировавшийся текст, что отличает их от других записей, где встречаются исправления, а эмоциональные

«всплески», выраженные словесно, не изменяют ритма текста.

Таким образом, дневниковые записи ученого демонстрируют его и как профессионального исследователя, и как повседневного деятеля, и как человека – патриота, неравнодушного к благоприятному будущему своего народа. При этом все эти формы его жизни тесно переплетены, неотделимы друг от друга, каждая из них проникает в ткань другой, поэтому можно констатировать их равнозначность. Дневник дает представление о

разнообразных формах быта ученого и людей, его окружающих, о наборе определенных социальных практик, которые позволяют реконструировать не только этническое, религиозное, экономическое и культурное бытование прибайкальских бурят начала XX в., но и позволяют выявить нравственные, профессиональные, человеческие установки его автора.

Литература

1. Залкин Е. М. М. Н. Хангалов. – Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1945; Залкин Е. М., Хаптаев П. Т. М. Н. Хангалов. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1983; *Хаммаганов М. П.* М. Н. Хангалов как этнограф-фольклорист (1858–1918) // Сов. этнография. – 1959. – № 5. – С. 98-108; *Андреев В. И.* Хангалов как учитель и деятель просвещения // Выдающиеся учителя и просветители Бурятии. – Улан-Удэ, 1961. – С. 72-92; *Мантатов В. В., Болотов Х. Д.* К вопросу о мировоззрении М. Н. Хангалова: [Этнограф-фольклорист, 1858-1918] // Современность и традиционная культура народов Бурятии. – Улан-Удэ, 1983. – С. 129-140; *Тугутов И.* Ученый с мировым именем: к 135-летию со дня рождения М. Н. Хангалова // Знамя Ленина. – 1993. – 25 ноя.; *Дамбуева И. А.* Творческое наследие М. Н. Хангалова в архивных фондах гг. Иркутска и Улан-Удэ // Вестник Иркутского государственного технического университета. – №1. – 2004. – С. 190-193; *Жамбалова С. Г.* Матвей Николаевич Хангалов – этнограф, ученый мирового значения // Хангаловские чтения: материалы межрегион. науч.-практ. конф., 24 октября 2008. – Усть-Ордынск, 2008. – С. 6-9; *Ее же.* О жизни и деятельности М. Н. Хангалова: известные и малоизвестные факты // Этническая история и культурно-бытовые традиции народов Байкальского региона. Иркутск: Оттиск, 2010. – С. 6-20; *Маласханова И. А.* Гуманитарный вектор. 2012. № 2. – С. 148-153; *Михайлова В. Т.* Неопубликованные дневники М. Н. Хангалова, 1902-1915 гг. // Хангаловские чтения: материалы межрегион. науч.-практ. конф., 24 октября 2008. – Усть-Ордынск, 2008. – С. 9-20; *Жукова Н. Е., Ангархаев Б. Б.* Научное наследие Матвея Николаевича Хангалова в трудах ученых Байкальского региона // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. – 2020. – №1. – С. 43-50; и др.
2. Хангалов М. Н. Собрание сочинений: в 3-х т. / Под ред. Г. Н. Румянцева. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958-1961.
3. *Жамбалова С.Г.* Предисловие // Хангалов М. Н. Собрание сочинений: в 3-х т. / Под ред. Г. Н. Румянцева. – Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республ. тип.», 2004. – С. 10-14.
4. МИБ (Музей истории Бурятии). ОФ-4136. Дневник №11, 2-я часть за 1910 г. М. Н. Хангалова. Записи личные с апреля по июнь 1910 г. с. Бильчир Иркутской губернии, 1910 г.; МИБ. ОФ-4137. Дневник №12, 3-я часть за 1910 - 1911 гг. М. Н. Хангалова. Записи личные с июня 1910 г. по ноябрь 1911 г. с. Бильчир Иркутской губернии, 1910-1911 гг. – 657 л.
5. *Палхаева Е. Н., Жукова Н. Е., Паликова Т. В.* «Школьная» повседневность начала XX века: по материалам дневников М. Н. Хангалова // Ученые записки Забайкальского государственного университета. – 2020. – Т. 15, № 5. – С. 79-86.
6. МИБ. ОФ-4137. Дневник №12, 3-я часть за 1910 - 1911 гг. М. Н. Хангалова. Записи личные с июня 1910 г. по ноябрь 1911 г. с. Бильчир Иркутской губернии, 1910-1911 гг.